

МОЖНО ли изъять из нашей жизни музыку? Уверен, что нет. Пройдите по улице вечером — из окон непременно донесутся до вас обрывки мелодий, ритмов, голоса популярных певцов. Техника сделала музыку частью нашего быта. Тем обиднее встречать людей, для которых не существует, скажем, симфоническая музыка. Уникальнейшие создания человеческого гения воспринимаются ими как нечто непонятное, скучное, как своего рода высшая математика, неприменимая в повседневной жизни.

Я же убежден, что мир симфонической музыки доступен всем. Можно предложить рецепт ее понимания. Нужно слушать. Регулярно. Систематически. Одну и ту же музыку — один, другой, третий раз. И нужно захотеть услышать, стараться вникнуть в кажущийся хаос звуков, разгадать их смысл. Поверьте, ваши усилия будут вознаграждены, и мир прекрасного постепенно откроется перед вами.

Знаю это по себе. Часть моих юношеских лет прошла в Тифлисе. Я служил там музыкантом в кавалерийском полку. Летом на открытых эстрадах городских парков проводились симфонические концерты. Там я услышал впервые произведение, оставившее в душе волнующий след, — Четвертую симфонию Петра Ильича Чайковского. Позже в Москве я не раз слышал ее в различном исполнении. А накануне I Всесоюзного конкурса дирижеров, состоявшегося в 1938 году, в котором мне довелось участвовать, я впервые сам ею продирижировал.

Сегодня мне хочется предложить вам вместе со мной как бы послушать эту симфонию еще раз. Почему именно ее? На мой взгляд, музыку Чайковского в состоянии понять самый неискушенный слушатель. Все им написанное — как бы один непрерывный монолог-исповедь. И в то же время это рассказ о жизни каждого из нас, о наших печалях и радостях. В этом отношении Четвертая симфония, возможно, самая примечательная. В письме композитора к С. И. Танееву есть такие слова: «Нет ни одной строчки в этой симфонии, которая не была бы мной прочувствована и не служила бы отголоском искренних движений души».

И еще. Чайковский — истинно русский композитор. Мне кажется, что именно в Четвертой симфонии особенно полно и ярко ощущаются и

русская природа, и русский человек со всей гаммой его переживаний. Не случайно сам автор называл ее своим любимым сочинением.

Год создания Четвертой симфонии — 1877-й. Уже написаны увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», симфонические фантазии «Буря» и «Фрэнческа да Римини», балет «Лебединое озеро», Первый концерт для фортепьяно с оркестром, начата работа над «Евгением Онегиным». Композитору 37 лет — время зрелости. В его

покой не были полны и безоблачны». Роем обрушиваются на вас скорбные жалобы. Но вот в их вихре обнаруживается проблеск радости. В душе человека воскресает надежда. Но когда, кажется, ничто уже не может омрачить счастья, в мир мечты безжалостно вторгается судьба, напоминая об его иллюзорности. Напрасно человек зовет на помощь воспоминания. Рок смял, разбил грезы. Вечный бой человека с жизнью продолжается.

РУССКАЯ СИМФОНИЯ

*Сегодня вечернюю беседу ведет народный артист СССР,
дирижер Константин ИВАНОВ.*

творчестве намечается заметный перелом: в новых произведениях все сильнее ощущаются трагические мотивы, все острее определяется в них тема вечного поединка человека с судьбой.

Для самого Чайковского Четвертая симфония — произведение эталонное. Интересно, что обычно он не любил сообщать программы своих сочинений. Во всяком случае делал это крайне редко, не желая, вероятно, сковывать фантазию слушателей слишком тесными рамками. Но о содержании Четвертой симфонии Чайковский, напротив, говорит подробно в письме, датированном 17 февраля 1878 года и адресованном Надежде Филаретовне фон Мекк.

...Грозно звучат фанфары. Слышится тема рока, преграждающего путь к счастью. По словам автора, «это фатум, это та роковая сила, которая мешает порыву к счастью дойти до цели, которая ревниво стережет, чтобы благополучие и

Как видите, первая часть — драматургический узел всей симфонии. Здесь и мечты о счастье, и мольба, сомнение и смертельная схватка с судьбой. Одним словом, жизнь человека во всех ее проявлениях. Финал части драматичен, рок близок к победе. Однако герой не сломлен.

...Но вот человек стал старше. Он уже без боли вспоминает о прошлом. «Лирические раздумья» — так бы я озаглавил вторую часть симфонии.

Музыка этой части грациозна и мелодична. В душу героя постепенно сходит покой. Время лечит раны, смягчает боль потерь. Человек ищет отдохновения, его влечет к природе. Мелодия настолько зрима, что вдруг представляется лето или начало осени за городом, бесконечные желтые поля, темная полоса леса вдаль. Идешь по дороге, на сердце легко, ты почти счастлив...

Лучший пример общения человека с природой, пожалуй, трудно найти даже у самого Чайковского.

Третья часть симфонии — жанровая картина. По замечанию композитора, она «не выражает определенного ощущения. Это капризные арабески; неуловимые образы, которые проносятся в воображении...». Мне, например, представляется летний вечер в провинции. Вот мимо дома быстро прошли военные, возвращаясь в казарму. На дворе вдруг появился мужичок с гармошкой, начал наигрывать. Кто-то пустился в пляс. Но сумерки сгущаются, все затихает...

А вас уже захлестывает лавина звуков знаменитого финала Четвертой симфонии. Перед вами открывается «картина праздничного народного веселья»: вихревые пляски, хороводы, разгоряченные, смеющиеся лица. Варьируясь, звучит тема русской народной песни «Во поле березонька стояла». И даже появление злойшей темы рока тонет в этой ликующей стихии. «Если ты, — поясняет Чайковский, — в самом себе не находишь мотивов для радости, смотри на других людей. Ступай в народ. Смотри, как он умеет веселиться...».

Возможно, музыка Четвертой симфонии вызовет у вас какие-то иные ассоциации. Ведь все мы пропускаем впечатления от услышанного через свое собственное восприятие. Мне же хотелось хоть в какой-то мере раскрыть перед вами огромный и удивительный мир серьезной музыки. Я уверен, что любой человек не сможет остаться равнодушным к звукам, в которых с такой силой и безоглядной откровенностью раскрывается перед ним жизнь человеческого духа.

Я на всю жизнь запомнил концерты в Колонном зале Дома союзов, которыми дирижировал в годы войны. Они транслировались по радио. Исполнялась в них и Четвертая симфония Чайковского. Были случаи, когда концерт прерывала воздушная тревога. Но, пожалуй, именно в эти трудные годы в зале собиралась самая чуткая, внимательная и благодарная публика.

Я много раз дирижировал Четвертой симфонией, знакомил с ней не только советских, но и зарубежных слушателей, пронес ее буквально через весь мир. И с полной уверенностью могу сказать, что эта музыка всегда находит путь к сердцам людей.